

Когда Джин ушёл, А-Эр так и остался сидеть в узком, грязном переулке, вжавшись в кирпичную стену.

Конечно, ему хотелось отыскать Кадзуму Арааки, но улицы захлестнул хаос. В этом слабом детском теле соваться в толпу — верная смерть. Впрочем, А-Эр и без того знал, чем всё кончится. Какая теперь разница, выходить наружу или оставаться здесь?

До чего же обидно. Отец ещё вчера обещал, что сегодня на ужин будут ароматные тушёные рёбрышки.

А вечером они собирались вместе с Кадзумой смотреть телевизор.

Пусть там, в будущем, он уже видел эти передачи сотни раз, вернуться в прошлое и пересмотреть их заново казалось невероятно увлекательным.

А ещё мама обещала в выходные сходить в ресторан к «дедушке Полковнику»...

Столько всего...

Вдруг его внимание привлекла странная фигура — на противоположной стороне улицы стоял мужчина в белом лабораторном халате. Бледный как смерть, с глубокими тенями под глазами, он двигался странной, текучей походкой, точно из его тела разом вынули все кости, а колеблющаяся тень то удлинялась, то пропадала в полумраке. Жуткое, противоестественное зрелище. Даже в человеческом обличье этот безумный, бездонный взгляд выдавал в нём существо совсем иной, неземной природы.

Несмотря на столь приметную внешность, обезумевшая толпа ухитрялась его не замечать. Люди инстинктивно огибали его стороной, даже не поворачивая головы.

В каком-то смысле им стоило его поблагодарить: застыв на месте, он служил своего рода волнорезом, сдерживающим натиск паникующей людской массы и мешающим начаться смертоносной давке.

Даже сквозь колыхающееся море людских тел А-Эр без труда узнал его — это был Наникорэ.

Видимо, пока сам он проходил штрафной раунд, Система забросила Наникорэ сюда же на правах «игрока». Судя по всему, роль безумного доктора принадлежала кому-то из Чёрной организации. Должно быть, именно так Наникорэ и вышел на Рэнью Карасуму, а затем помог тому с экспериментами над телом Сидзуки Годзё ради продления жизни старика.

Но А-Эр понимал и другое: Карасума попросту обвёл Наникорэ вокруг пальца. Тот наверняка даже не догадывался об истинных намерениях своего подопечного, искренне полагая, что дряхлый старик жаждет лишь выторговать себе ещё немного времени.

Хотя поначалу Карасума действительно преследовал лишь эту цель. Но осознав, что его одряхлевшее тело достигло предела, он решился на крайний шаг — уничтожить весь этот игровой мир.

Карасума отчаянно жаждал превратиться из бездушного неигрового персонажа в настоящего человека и сбежать в реальный мир, который сохранялся в воспоминаниях А-Эра. Ему хотелось сбросить оковы условностей.

В глубине души он оставался всё тем же деревенским мальчишкой, когда-то мечтавшим вырваться в сияющий огнями Токио.

Вот только мечта эта обросла безумием, превратившись в извращённую манию. Карасума прошёл долгий путь, по колено в грязи и крови, и теперь, если цель ускользнёт от него, он был готов утянуть за собой в небытие всю вселенную.

Наникорэ посмотрел сквозь толпу прямо на А-Эра и беззвучно, одними губами, произнёс:

— Прощай.

В его руке блеснуло вовремя поднятое дуло пистолета.

Раздался резкий, сухой хлопок выстрела. Пуля пробила плоть насквозь. Рухнув на грязную мостовую, А-Эр почувствовал, как из раны толчками хлынула горячая кровь.

Выстрел не был смертельным — Наникорэ целился не в сердце. Однако в бурлящем хаосе улиц, с хрупким детским телом и такой стремительной потерей крови, исход был предрешён.

Фигура стрелка мгновенно растворилась в толпе, оставив А-Эра истекать кровью в сыром тупике.

Тело быстро остывало, а боль удивительным образом притупилась, сменившись странной лёгкостью, будто он невесомо парил среди облаков.

Именно тогда его наконец отыскал Кадзума Арааки. От бывшего хладнокровия не осталось и следа: растрёпанный, взмыленный, с прилипшими к мокрому лбу волосами, он выглядел непривычно жалко и растерян.

В узком проулке, где едва могли разминуться двое, царил полумрак, укрывавший их от бушующей снаружи суеты.

Но Кадзума словно шёл по невидимому маяку. Он сразу же заметил лежащего на земле А-Эра. Его лицо мгновенно окаменело, выражая глухое непонимание, будто разом отказывался

принимать увиденное. Кадзума со всех ног бросился вперёд.

Вбежав в переулок, он резко замедлил шаг. Медленно, почти не дыша, опустился на колени, не решаясь даже прикоснуться к умирающему.

Наконец он бережно взял А-Эра за руку — точно так же, как сам А-Эр когда-то сжимал ладонь Харуки. На лице Кадзумы застыла беспомощная растерянность. Боясь потревожить рану и ускорить кровотечение, он лишь замер, не сводя с мальчика остекленевшего взгляда.

— Харука...

Издалека долетал заунывный вой сирен полицейских машин и скорой помощи.

Кадзума понимал, что всё кончено, но инстинктивно порывался бежать за подмогой. Однако слабеющие пальцы А-Эра на удивление крепко вцепились в его ладонь.

Кадзума тяжело, прерывисто дышал, бледный, точно сам стоял на пороге могилы.

— Харука, Харука... — шептал он имя, под которым знал мальчика теперь.

Он метался, как потерявшийся ребёнок, не зная, за что ухватиться. Но А-Эр лишь слабо покачал головой.

Сил на язык жестов уже не оставалось. А-Эр лишь ободряюще похлопал Кадзуму по дрожащей руке.

И беззвучно, одними губами, проговорил: «Побудь со мной».

Поняв, что мальчик смирился со своей участью, Кадзума затих, оставив бесплодные попытки бежать за помощью.

«Прости», — вновь шевельнулись губы А-Эра.

«Прости, что не смогу досмотреть с тобой ту передачу»

Обычный человек вряд ли бы разобрал эти беззвучные движения губ. Но за недели, проведённые бок о бок, и долгие часы изучения языка жестов между ними возникла та редкая чуткость, которая позволяла понимать друг друга без слов.

Кадзума едва заметно качнул головой:

— Всё в порядке. Я посмотрю сам.

«Вот только рядом больше не будет твоего тепла. Наверное, мне станет немного одиноко»

А-Эр из последних сил потянулся к нему. Кадзума сразу всё понял и прижал его к себе в прощальном объятии.

А-Эр не стал просить его позаботиться о приёмных родителях. Перед ним сидел он сам, только из прошлого. Он прекрасно знал: после смерти Харуки Кадзума сделает всё возможное, чтобы сберечь чету Арааки.

Даже вступив в Чёрную организацию, он заблаговременно подчистит все следы, убережёт стариков от своих врагов и станет каждый месяц исправно пересылать им деньги.

Именно потому, что они были одним и тем же человеком, А-Эр мог позволить себе быть столь спокойным и... жестоким.

Перед лицом смерти чувства А-Эра обострились до предела. Он уловил чужой, тяжёлый взгляд. Преодолевая слабость, он скользнул глазами к выходу из переулка и заметил стоящего на противоположной стороне улицы — ровно там, где только что стоял доктор — Джина.

Тот безучастно наблюдал за агонией ребёнка. В его холодных глазах не читалось сочувствия — с тем же успехом он мог созерцать придорожную траву.

Кадзума тоже почувствовал присутствие постороннего и обернулся к Джину.

Сейчас у юноши ещё не было воспоминаний о киллере, так что его лицо по логике должно было оставаться бесстрастной маской.

Но Джин вдруг переменился в лице. Равнодушие сползло с него, уступив место странной смеси потрясения и глухой ярости.

А-Эр не успел удивиться этой метаморфозе, когда Кадзума вновь склонился над ним.

И в этот миг умирающий наконец осознал, что именно заставило Джина содрогнуться.

А-Эр ласково, умиротворённо улыбнулся своему прошлому воплощению — его улыбка была чистой и безмятежной, словно у святого с иконы.

«Пожалуйста, не нужно смотреть на меня так, будто сейчас разрываешься»

Но в глубине души А-Эр чувствовал совсем другое. Он ликовал: «Как же хорошо, что тебе сейчас больно, горько и страшно».

Этот день навечно отпечатается в твоей памяти несмываемым клеймом. Даже когда ты повзрослеешь и детали сотрутся, пережитый кошмар всё равно толкнёт тебя на предначертанный путь, с которого невозможно свернуть.

Как твоё будущее «я», я проклиная тебя этой памятью. Пусть она изводит тебя, пусть заставляет вновь и вновь переживать нынешнее бессилие, ужас и отчаяние. Только неся на плечах это невыносимое бремя, ты сможешь двигаться дальше по веткам игрового сюжета.

«Я буду ждать тебя в будущем»

С этой мыслью А-Эр закрыл глаза, и на его губах застыла улыбка.

Когда А-Эр вновь открыл глаза, перед ним снова высилось надгробие Сиро Куросавы.

Он быстро взглянул на экран телефона: как и обещала Система, с момента их отправки в штрафной раунд не прошло и секунды.

Наникорэ материализовался рядом.

Не дав тому опомниться, А-Эр с ходу спросил:

— Ты хоть понимаешь, какова конечная цель Рэнъи Карасумы?

Тот лишь растерянно моргнул:

— Разве не вечная жизнь и обращение времени вспять?

А-Эр мысленно приложил руку к лицу.

Ну что за наивный дуралей. Тоже мне, сверхъестественное существо. Почему между ним и Системой такая пропасть?

Система умудряется водить всех за нос с неизменной ухмылкой на лице, воспринимая мир лишь как забавное шоу на экране телевизора. А этот недотёпа умудрился попасться на удочку обычного игрового персонажа.

А-Эр вкратце обрисовал истинные планы Карасумы и, насладившись его онемением, язвительно добавил:

— Люди в сотни раз коварнее и изворотливее, чем тебе кажется.

Особенно если речь идёт о безумце масштаба Карасумы.

Лицо Наникорэ пошло пятнами от ярости, но уже в следующую секунду его фигура растаяла в воздухе.

****[Игрок Наникорэ заблокирован за систематические нарушения правил игры]****

Светящаяся строка системного уведомления вспыхнула прямо перед глазами.

С таким количеством использованных багов и дыр в коде чудо вообще, что он продержался так долго.

Впрочем, не исключено, что Система просто решила свести счёты за лишнюю бумажную работу, которую ей подкинул этот нарушитель.

«Странно, что Наникорэ не попытался сбежать или спрятаться от меня в штрафном раунде, — мысленно заметил А-Эр, обращаясь к Системе. — Ему ведь выгодно тянуть время, чтобы отсрочить финал»

Система лишь сухо хмыкнула в ответ:

— Он, может, и хотел бы. Да кто бы ему дал? Не забывай, кто здесь устанавливает правила. Раз уж он пролез в игровое поле на правах пользователя, за саботаж заданий его ждала мгновенная кара.

Интуиция подсказывала А-Эру, что Система приложила к этому руку, но здравый смысл советовал помалкивать. В гневе она была поистине страшна.

А-Эр отступил на пару шагов назад, чувствуя, как по спине катится холодный пот.

— Чего застыл? — в её голосе скользнули зловещие нотки. — Самое время ловить беглеца.

Отрезвлённый этим напоминанием, А-Эр бросился на поиски Рэнъи Карасумы. Оставалось надеяться, что старик не успел уйти далеко.

Сейчас А-Эр управлял телом Сидзуки Годзё. В этот самый момент на кладбище появился

Кадзума Арааки — он только что простился с Хиромицу Морофуси.

При виде собственного лица у А-Эра болезненно сжалось сердце. Слишком свежи были воспоминания о том, как он в роли маленькой Харуки умирал на руках у своей молодой копии.

От подобного раздвоения немудрено было окончательно сойти с ума.

Поколебавшись мгновение, А-Эр заставил тело Кадзумы застыть на месте, а сам, сделав шаг вперёд в облике Сидзуки, крепко прижал юношу к себе.

— Спасибо тебе за всё. Ты отлично справился.

Кому предназначались эти слова — оболочке Кадзумы или самому себе, израненному бесчисленными кругами этой кошмарной игры?

Он не знал. Но в этот миг Кадзума обнял его в ответ с той же отчаянной, обречённой нежностью.

<http://bllate.org/book/18335/1760525>